

Майн Рид

БУРЫ

(отрывок)

ЛЕВ НА ОТДЫХЕ

Не проехали они и ста шагов, как перед ними возникло нечто, при виде чего они все внезапно и одновременно натянули поводья. То был лев. Он лежал среди равнины прямо на тропе, куда они собирались свернуть, - на той самой тропе, по которой они прискакали. Как случилось, что они его не заметили раньше? Он лежал под сенью невысокого куста; но, по милости саранчи, куст был без листьев, и его голые тонкие ветви не могли укрыть такого большого зверя. Светлая шкура льва приметно желтела сейчас сквозь них.

Дело в том, что льва там еще не было, когда всадники, спеша к краалю, проскакали мимо этого куста. Только завидев их, хищник отпрянул от места бойни и, прижимаясь к ограде, забежал им в тыл. К такому маневру он прибег, желая избежать встречи, потому что и лев обладает способностью рассуждать, хоть и не такой, как человек. Увидев, откуда появились всадники, он в меру своей сообразительности рассудил, что они едва ли вернуться той же тропой. Скорее всего, они продолжают свой путь. Человек, незнакомый со всеми предшествующими событиями, связанными с их поездкой, пожалуй, рассудил бы точно так же. Вам случалось, верно, наблюдать, что и другие животные - собаки, олени, зайцы - и птицы поступают большей частью так же, как поступил в этом случае лев. Несомненно, в мозгу льва прошел описанный здесь умственный процесс; и зверь, чтобы уклониться от встречи с тремя всадниками, прокрался им в тыл.

Так мирно лев ведет себя почти всегда, в пяти случаях из шести, если не чаще. Потому и укоренилось у нас ошибочное мнение относительно храбрости этого хищника. Некоторые естествоиспытатели, побуждаемые к тому, как видно, чувством злобы или зависти, обвиняют льва прямо-таки в трусости, отказывая ему решительно во всех благородных свойствах, какие приписывались ему с незапамятных времен. Другие, наоборот, утверждают, что лев не знает страха ни пред зверем, ни пред человеком, и, помимо отваги, наделяют его еще и многими другими добродетелями. Обе стороны подкрепляют свои взгляды не только голословными заверениями, но и множеством ссылок на твердо установленные факты.

В чем тут дело? Ведь не могут же быть правы и те и другие? Но, как это ни странно, правы в известном смысле обе стороны. Дело в том, что одни львы трусливы, другие храбры.

В доказательство этого можно написать целые страницы, но скромные размеры нашей книги не дают нам для этого места. Я, однако, думаю, юный мой читатель, что тебя удовлетворяет некая аналогия. Ответь: известен ли тебе какой-либо вид животных, в котором все особи совершенно одинаковы по своему нраву? Вспомни, например, знакомых тебе собак. Разве все они так уж похожи друг на друга? Не правда ли, есть среди них благородные, великодушные, смелые, преданные, готовые отдать, если надо, жизнь. А есть и совсем иные - подлые, лживые, трусливые собачонки. Так и у львов. Теперь тебе ясно, что мое утверждение о львах может отвечать истине.

Храбрость и свирепость льва зависят от многого: от его возраста, от состояния его желудка, от времени года и часа дня; в первую очередь от того, какого рода охотников встречает он в своих краях. Влияние последнего обстоятельства покажется вполне естественным тому, кто верит в разум животных, как верю, конечно, я. Вполне естественно, что лев, подобно другим животным, вскоре изучит характер своего врага и станет бояться его или нет - как покажет дело. А разве не так оно и у людей? Старая история! Если память мне не изменяет, у нас был уже разговор на эту тему, когда зашла речь об американских крокодилах. Мы тогда отметили, что на Миссисипи аллигатор в наши времена редко нападает на человека; но раньше было не так: ружье охотника, которому нужна кожа аллигатора, укротило свирепость речного хищника. В Южной Америке крокодил того же вида пожирает ежегодно десятки индейцев, а африканский крокодил в иных местах внушает населению больший ужас, чем лев. Наблюдатели рассказывают, что на Капской земле львы в одних местностях менее смелы, чем в других. Значительно трусливей они как раз там, где ведет на них охоту храбрый и стойкий бур со своим длинноствольным громобоем.

За пределами Капской колонии, где нет у него другого врага, кроме тоненькой стрелы бушмена (которая и не покушается его убить!) да бечуанского легкого дротика, лев несколько не боится человека - или почти не боится.

Был ли тот лев, что предстал пред глазами наших путников, по природе смел, я вам не скажу. Его отличала громадная черная грива - у буров такие львы зовутся черногривками и считаются самыми свирепыми и опасными. Желтогривка (в Капе водится довольно много различных по масти львов) слывет менее храбрым; однако в правильности этого взгляда можно усомниться. Дело в том, что темно-бурую окраску гривы лев приобретает лишь с годами, и часто молодого черногривку принимают по ошибке за светлогривого льва, а потом приписывают его характер всей светлогривой породе.

Ван Блум не стал раздумывать, какой перед ним черногривка - свирепый и храбрый или не очень. Было ясно, что лев успел «заморить червячка», что он совсем не помышляет напасть на человека и что, если всадники предпочтут сделать небольшой крюк и мирно проехать мимо, они спокойно довершат свою поездку и больше в глаза не увидят этого льва и никогда о нем не услышат.

Но у ван Блоома были иные намерения. Он лишился своих драгоценных быков и коров. Этот самый лев растерзал если не всех, то часть из них. Голландская кровь колониста вскипела. Будь это самый сильный и свирепый хищник в своем львином племени, не дадут они ему мирно спать под кустом! Приказав спутникам стоять на месте, ван Блум, не сходя с седла, двинулся вперед и остановил коня примерно в пятидесяти шагах от места, где лежал лев. Тут он спешился, намотал поводья на руку, воткнул в землю шомпол своего ружья и стал позади него на одно колено.

Вы думаете, что стрелку, пожалуй, безопасней было бы остаться в седле, потому что коня лев догнать не может. Верно, но это было бы безопасней и для льва. Нелегкое дело - метко выстрелить, сидя в седле; а когда мишенью служит грозный лев, только отлично натренированный конь будет стоять достаточно смирно и позволит взять правильный прицел. Так что при стрельбе с седла удача зависит от игры случая, а ван Блум не собирался удовольствоваться случайным успехом. Установив ружье на шомпол и дав таким образом твердую опору длинному дулу, он стал тщательно его наводить, глядя в прицельную рамку слоновой кости. Все это время лев не шевелился. Между ним и стрелком был куст, но едва ли зверь считал его надежным прикрытием. Желтые бока льва

отчетливо различимы сквозь тернистые ветви, видна его голова, его усы и морда, измазанная бычьей кровью.

Нет, лев не считал себя в безопасности. Легкое ворчание и два-три взмаха хвостом доказывали противное. И все же он лежал тихо, как лежат обычно львы, покуда к ним не подойдет поближе. Охотник же, как я сказал, стоял в добрых пятидесяти ярдах от него.

Лев не двигался и только слегка помахивал хвостом, пока ван Блум не спустил курок; и тут он, взревев, подпрыгнул на несколько футов от земли. Охотник опасался, что ветви отклонят его пулю и она лишь скользнет по шкуре; но выстрел явно попал в цель: стрелок видел, как клочок шерсти вылетел из львиного бока в том месте, где ударила пуля. Лев был только ранен, и, как вскоре выяснилось, не смертельно. Бия хвостом, оскалив грозные зубы, разъяренный лев длинными прыжками надвигался на противника. Грива, развеваясь, словно увеличила вдвое размеры зверя. Он казался сейчас огромным, как буйвол.

За несколько секунд он покрыл расстояние, только что отделявшее его от охотника, но тот был уже далеко.

Нажав спуск, ван Блум в тот же миг вскочил на коня и поскакал к остальным.

Недолгое время они стояли все трое рядом; Гендрик - держа на взводе карабин, Черныш - с луком и стрелами в руках. Но зверь кинулся вперед, прежде чем тот или другой успел выстрелить; пришлось пустить вскачь коней и отступить с его пути. Черныш мчался в одну сторону, ван Блум с Гендриком - в другую; зверь оказался теперь меж двух огней и притом в изрядном отдалении от противников. Когда первый наскок не удался, лев остановился и поглядел сперва на один вражеский отряд, потом на другой, словно не решаясь, за каким погнаться. Вид его в эту минуту был невыразимо страшен. Вся его свирепая природа возмутилась. Грива стояла дыбом, хвост хлестал по бокам, пасть была широко раскрыта, обнажая крепко посаженные клыки, - их белые острия резко контрастировали с багровой кровью, закрасившей скулы и пасть. Яростный рев должен был усилить ужас, который зверь внушал всем своим грозным видом.

Но из трех противников ни один не поддался страху, как ни приглашали к тому зрение и слух. Гендрик навел на льва карабин, хладнокровно прицелился и выстрелил; и в тот же миг со свистом прорезала воздух посланная Чернышем стрела. Оба взяли верный прицел: и пуля и стрела попали в зверя; стрела вонзилась ему в ляжку, и было видно, как покачивается ее древко. Лютого зверя, до сих пор проявлявшего, казалось, самую решительную отвагу, теперь как будто охватил внезапный страх. Стрела ли была в том повинна или одна из пуль, но ему вдруг надоела борьба: опустив задранный, похожий на метлу хвост до уровня спины, он ринулся прочь и, сердито побежав вперед, проскочил прямо в дверь крааля.

ЛЕВ В ЗАПАДНЕ

Странно было, конечно, что лев ищет убежища в столь необычном месте, но это показывало его сообразительность. Не было сколько-нибудь близко другого укрытия: теперь, после налета саранчи, не так-то просто стало найти такие кусты, где можно было бы спрятаться. Попытайся же он спастись бегством, охотники верхом на конях его легко догнали бы. Лев видел, что дом необитаем. Он рыскал вокруг него всю ночь, а может быть, наведаясь и в комнаты - значит, знал, что представляет собой это место. Инстинкт не обманывал зверя. Стены дома могли защитить его от неприятельского оружия,

разившего издалека; а вздумай враги приблизиться, это было бы выгодно для льва и опасно для них.

Когда лев вбежал в крааль, произошло нечто удивительное. В одном конце дома имелось большое окно. Стекол в нем, конечно, не было, да никогда и не бывало. В тех краях застекленные окна редкость. Закрывалось оно только крепким деревянным ставнем. Ставень еще висел на своих петлях, но в суматохе отъезда его не заперли. Дверь тоже стояла распахнутая настежь. И вот, когда лев вскочил в нее, из окошка так и посыпались маленькие зверюшки, похожие не то на лисиц, не то на волков, и во всю прыть пустились наутек по равнине. Это были шакалы.

Как выяснилось позже, львы или, может быть, гиены загнали одного вола в дом и здесь загрызли. Более крупные хищники проглядели его тушу, а хитрые шакалы подобрались к ней и преспокойно завтракали, пока им не помешали так бесцеремонно.

Когда в дверях появился грозный царь зверей, да к тому же разгневанный, шакалы кинулись спасаться в окно; а вид подъезжавших к дому всадников еще больше напугал этих трусливых животных.

Они бросились со всех ног прочь от крааля и вскоре исчезли из виду.

Трое охотников не удержались от смеха; но их веселье сразу погасло перед новым происшествием, случившимся почти в тот же миг. Ван Блоом захватил с собою двух собак, чтобы те помогли пригнать обратно скот. Пока люди отдыхали у ручья, собаки навалились на полуобъеденные туши, валявшиеся под оградой; и так как им пришлось изрядно наголодаться, они не оторвались от еды даже тогда, когда всадники отъехали от крааля. Ни одна из них не видела льва до той минуты, когда раненый зверь ринулся прочь от охотников и понесся прямо к краалю. Выстрелы, львиное рычание и шумное хлопанье крыльев, поднявшееся, когда вспугнутые стервятники улетали, - все это сказало собакам, что впереди происходит нечто требующее их присутствия, и, оставив свою приятную трапезу, они перемахнули через ограду.

Во дворе они очутились как раз в тот миг, когда лев был в дверях. Храбрые и благородные животные без колебания кинулись за ним следом и вбежали в дом. Некоторое время смутно доносился хор разных звуков - лай и тявканье собак, рев и рычание льва. Потом послышался глухой шум, как будто ударили о стену чем-то тяжелым, отчаянный визг, потом звук, похожий на хруст костей... Громкий, грубый бас довольно «мурлыкавшего» огромного зверя - и затем глубокая тишина. Борьба закончена. Это ясно - собаки не подают больше голоса. Они, скорее всего, погибли. Охотники в крайней тревоге глядели на дверь. Смех замер у них на губах, когда они стояли, прислушиваясь ко всем этим мерзким звукам - признакам страшной схватки. Они окликали по именам своих собак. Они еще надеялись, что те выбегут, хотя бы раненые. Но нет, собаки не показываются... Они мертвы!

Долго длилось молчание после шума борьбы. Ван Блоом уже не сомневался, что его любимицы, его единственная пара собак, убиты. Взволнованный этим новым несчастьем, он едва не утратил всякое благоразумие. Он был готов броситься к порогу, откуда мог бы стрелять в ненавистного врага почти вплотную, когда Чернышу пришла на ум блестящая мысль. Громкий возглас бушмена остановил стрелка:

- Баас! Баас! Мы его поймем! Мы запрем негодника!

Предложение было разумным и легко осуществимым. Ван Блоом сразу его оценил и, отказавшись от прежнего своего намерения, решил принять план Черныша. Но как его исполнить? Дверь и ставни еще висели на петлях. Если бы удалось подобраться к ним и накрепко закрыть, лев оказался бы во власти охотников и можно было бы спокойно прикончить его. Только как, не подвергая себя опасности, запереть дверь или окно? Вот в чем трудность... Едва люди приблизятся к окну или двери, лев сразу их увидит и, так как он сейчас разъярен, непременно кинется на них. Может быть, подъехать на лошадях? Но и это опасно. Лошади не будут стоять смирно, пока всадники станут тянуться в седле, чтобы ухватиться за ручку или за щеколду. Все три скакуна и так уже в нетерпении перебирали ногами. Они знали, что в доме лев - время от времени зверь выдавал свое присутствие рычанием, - и вряд ли смогут они достаточно спокойно приблизиться к двери или к окну; ржание и стук копыт побудят разъяренного зверя выбежать и броситься на всадников. Итак, было ясно, что запереть окно или дверь - задача очень опасная. Покуда охотники держались на открытом месте и в некотором отдалении, им нечего было бояться льва, но если они приблизятся к нему и окажутся в стенах краала, то не исключено, что кто-либо из них станет жертвой лютого зверя.

Большая, нескладная голова, которую носил на плечах Черныш, заключала в себе немалое количество мозга, а жизнь в постоянной заботе о том, чтобы как-нибудь утолить голод, научила его постоянно упражнять свой мозг. В эту трудную минуту изобретательность Черныша пришла на помощь охотникам.

- Баас, - сказал он, спеша унять нетерпение своего хозяина, - погодите-ка, баас! Дайте старому бушмену закрыть дверь. Он сделает.

- А как? - спросил ван Блоом.

- Подождите немного - увидите.

Они подъехали все трое к краалу меньше чем на сто ярдов. Ван Блоом и Гендрик сидели молча в седле и смотрели, что станет делать бушмен.

А тот вынул из кармана клубочек бечевки и, аккуратно ее размотав, привязал один конец к стреле. Потом он подъехал ближе к дому и в тридцати ярдах от него сошел с коня - не прямо против входа, а немного наискосок, так, чтобы деревянная дверь, раскрытая, к счастью, лишь на три четверти, была обращена к нему наружной стороной. Закинув поводья через руку, бушмен натянул тетиву и пустил стрелу в дощатую дверь. И вот стрела глубоко вонзилась в край двери, как раз под щеколдой. Выстрелив, Черныш в тот же миг вскочил в седло, готовый к отступлению в случае, если лев выбежит. Черныш, однако, не выпускал из руки бечевку, привязанную одним концом к стреле. Гулкий удар стрелы в дверь привлек внимание льва. Об этом сказало охотникам его сердитое ворчание. Лев, впрочем, не показался и снова притих. Черныш натянул бечеву. Сперва для проверки он легонько подергал ее, а затем, убедившись, что стрела сидит крепко, дернул со всей силы и захлопнул дверь. Щеколда сработала, и дверь осталась запертой даже и после того, как Черныш ослабил веревку.

Теперь, чтобы открыть дверь, льву надо было либо догадаться приподнять щеколду, либо же проломить толстые, крепкие доски. Ни того, ни другого опасаться не приходилось.

Но окно еще оставалось открытым, и зверь легко мог выскочить в него.

Черныш, понятно, намеревался закрыть ставень тем же способом, что и дверь. И тут возникла новая большая опасность. У Черныша имелась только одна веревка - та, что была сейчас привязана к стреле. Как освободить ее и снова ею завладеть?

Не оставалось как будто ничего другого, как подойти к двери и отвязать веревку от древка стрелы. Но здесь-то и таилась опасность: ведь если бы лев заметил человека и выскочил в окно, бушмену пришел бы конец.

Подобно большинству охотников-бушменов, Черныш был не так смел, как хитер, хотя его отнюдь нельзя было назвать трусом. В ту минуту, однако, ему совсем не хотелось подходить к двери краала. Гневное рычание, доносившееся оттуда, обдало бы холодом и самое отважное сердце.

Разрешил задачу Гендрик. Он придумал, как, не приближаясь к двери, вновь овладеть веревкой. Крикнув Чернышу, чтобы тот был начеку, Гендрик тоже подъехал поближе к краалу и остановился в тридцати ярдах от входа, около столба с несколькими рогулями, служившими для привязывания лошадей. Гендрик сошел с коня, зацепил поводья за одну из этих рогуль, положил карабин на другую и затем, нацелившись в древко стрелы, спустил курок. Щелкнул выстрел, перебитое древко отвалилось от двери, веревка свободна! Охотники хотели отъехать подальше, но лев, хоть и свирепо зарычал при звуке выстрела, все же, по-видимому, не тронулся с места. Черныш притянул назад веревку, прикрепил ее к новой стреле и, объехав крааль, остановился наискосок против окна. Через несколько минут стрела просвистела в воздухе и глубоко вошла в податливое дерево. Затем ставень повернулся на петлях и плотно закрылся.

Охотники спешили и, очень быстро, но в полном молчании подбежав к дому, укрепили затворы на ставне и на двери ремнями - обрезками старых поводьев из сыромятной кожи.

Ура! Лев в западне!

СМЕРТЬ ЛЬВА

Да, разъяренный зверь был пойман в западню. Трое охотников вздохнули свободно.

Но как довести дело до конца? И дверь и ставень в окне закрыты наглухо, пригнаны плотно; в оставшиеся щелки все равно ничего не разглядишь. Раз двери и ставни закрыты, в доме полный мрак. Да если бы они и могли увидеть льва, что толку? Ни в одно отверстие все равно не просунешь ствол. Зверь был в такой же безопасности, как и поймавшие его охотники. Покуда дверь заперта, они могли причинить ему не больше вреда, чем он им.

Можно было предоставить запертому зверю околоть с голоду. Какое-то время он продержался бы остатками шакальего завтрака да тушами двух собак, а там пришлось бы ему смириться и погибнуть жалкой смертью. Однако ни ван Блоому, ни его спутникам подобный исход не казался неизбежным. Поняв, что дела его плохи, лев мог навалиться на дверь и, путив в ход острые когти и зубы, проломить ее.

Разгневанный ван Блоом не желал оставлять своему пленнику такую возможность. Он решил, что не уйдет отсюда, покуда не уничтожит зверя. И вот он стал раздумывать, как бы это сделать самым быстрым и верным путем.

Он надумал было просверлить ножом дыру в двери, достаточно широкую, чтобы можно было и глядеть в нее и просунуть ствол ружья. Если сквозь дыру плохо будет видно зверя, тогда можно проделать вторую в ставне. Два отверстия с противоположных сторон осветят всю внутренность дома, ибо жилище ван Блоома состояло всего из одной комнаты. Пока он там жил, комнат получалось две благодаря перегородке из зебровых шкур, но ее убрали при отъезде.

Два отверстия - одно в двери, другое в ставне - позволят выпустить в зверя сколько угодно пуль, покуда охотники не уверятся, что ему на них не напасть. Но покуда просверлишь их, уйдет немало времени. Это останавливало ван Блоома. Ему и его спутникам нужно было торопиться: кони притомились и были голодны, а прежде чем явится возможность накормить их, предстояло проделать еще долгий путь.

Нет, нельзя сверлить отверстия, нужен способ более быстрый.

- Отец, - сказал Гендрик, - а что, если поджечь дом?

Отлично. Добрый совет.

Ван Блоом бросил взгляд на крышу - покатую с длинным карнизом. Она состояла из сухих тяжелых деревянных балок, стропил, перекладин, и все это было покрыто толстым - в добрый фут толщиной - слоем сухого тростника. Она бы вспыхнула огромным костром, и лев, наверно, задохся бы от дыма раньше, чем дошел бы до него огонь.

Предложение Гендрика было одобрено. Принялись готовить все до поджога. Вокруг дома еще оставалось много валежника, обглоданного, но не сожранного саранчой. Это позволяло с легкостью осуществить задуманное, и они стали подтаскивать этот валежник и заваливать им дверь.

Можно было подумать, что лев разгадал их намерения: перед тем он долгое время не подавал голоса, а тут снова начал грозно рычать. Возможно, зверя встревожил шорох сучьев, стукавшихся снаружи о дверь; и, поняв, что пойман и заперт, он стал проявлять нетерпение. То, что он считал укрытием, обернулось западней, и теперь он рвался высвободиться из нее. Это явствовало из всего его поведения. Было слышно, как он мечется по дому - от двери к окну, от окна к двери - и бьет то в дверь, то в ставень своими огромными лапами, чуть не срывая их с петель и все время испуская дьявольский рев. Хоть и не без тайных опасений, трое охотников продолжали свою работу. Кони были у них под рукой, готовые принять в седло всадников, если лев проложит себе дорогу сквозь огонь. Так охотники и рассчитывали: поджечь - и на коней, чтобы сразу, как только костер как следует разгорится, отъехать и наблюдать за пожаром с безопасного расстояния.

Они перетаскали и нагромоздили у двери все ветви и доски, какие только нашлись. Черныш вынул свой кремь с огнивом и хотел было высечь огонь, когда до слуха охотников донеслось из дома шумное царапанье, не похожее ни на что слышавшееся им до сих пор. Казалось, лев скребет когтями о стену, но к этому примешивались еще какие-то странные звуки, словно зверь отчаянно боролся; его рычание стало хриплым, приглушенным и слышалось словно издалека.

Что делал зверь?

Охотники приостановились на миг, поглядели тревожно друг другу в лицо. Царапанье продолжалось, время от времени доносился хриплый рев, и вот он смолк наконец, потом

раздалось фырканье, а за ним рычание, такое громкое и полновзвучное, что все трое содрогнулись от ужаса. Не верилось, что все еще стоит стена между ними и грозным врагом.

Снова прозвучал этот омерзительный рев. Силы небесные! Он доносится уже не из-за двери - он раздаётся над их головами! Неужто лев выскочил на крышу? Все трое враз отпрянули на несколько шагов и подняли головы. Им представилось такое зрелище, что они замерли в изумлении и ужасе.

Из дымовой трубы высунулась голова льва. Пламя желтые глаза и белые зубы казались еще страшнее в контрасте с черной от сажи мордой. Зверь силился вылезть в трубу. Одна лапа уже лежала на каменной кладке; ею и зубами он расширял вокруг себя отверстие. Зубы и когти его работали вовсю, из-под них летели во все стороны известь и камень. Скоро освободится от каменных тисков его широкая грудь, и тогда... Ван Блум не стал раздумывать о том, что будет тогда. Он и Гендрик с ружьями наперевес подбежали ближе к стене. Труба высилась в каких-нибудь двадцати футах от земли; длинный ствол ружья поднялся прямо вверх, чуть ли не на половину этого расстояния. Так же был наведен и карабин. Два выстрела ударили одновременно. Глаза льва вдруг закрылись, голова судорожно качнулась вбок, лапа свесилась над трубой, челюсти разомкнулись, открыв зев, и по языку заструилась кровь. Через несколько секунд зверь был мертв. Это видно было всем. Но Черныш не успокоился, пока не выпустил в голову зверя штук двадцать стрел, которые придали его мертвому врагу сходство с дикобразом. Огромный зверь так плотно застрял в дымоходе, что и смерть оставила его все в том же необычном положении.

При других обстоятельствах охотники не преминули бы стащить льва вниз ради его шкуры. Но свежевать тушу было некогда. Не тратя больше времени, ван Блум и его спутники сели на коней и поскакали прочь.

БЕСЕДА О ЛЬВАХ

На обратном пути, чтобы скоротать время, охотники повели разговор о львах. Каждый из них кое-что знал об этих хищниках; но Черныш, родившийся и выросший в африканской лесостепи, среди львиных логовищ, был, конечно, хорошо знаком с повадками льва - куда лучше, чем сам господин Бюффон < Бюффон Жорж Луи Леклерк де (1707-1788) - знаменитый французский ученый и писатель, автор тридцатитомного труда о жизни животных, изложенного в яркой и остроумной форме.>. Излишне было бы описывать, как выглядит лев. Всем образованным людям, конечно, знаком его облик - каждый либо видел живого льва в зверинце, либо его чучело в музее. Каждый знает, как сложен этот зверь, помнит его большую косматую гриву. Каждый знает вдобавок, что львица лишена этого украшения и значительно отличается от самца как ростом, так и всем своим внешним видом.

Хотя все львы относятся к одному и тому же виду, но существует несколько разновидностей его, очень мало, впрочем, друг от друга отличных - куда менее, чем разновидности большинства других животных.

Таких признанных разновидностей насчитывается семь: варварийский лев, сенегальский, индийский, персидский, желтый капский, черный капский лев и лев безгривый.

Различие между всеми этими животными не так уж велико - каждый с первого же взгляда отнес бы их всех к одному роду и виду. Персидская разновидность несколько мельче

других; варварийская отличается темно-бурой окраской и самой тяжелой гривой; сенегальский лев посветлей, пожелтей, и грива у него жидкая; а безгривый лев совсем лишен этого убора. Впрочем, существование седьмой разновидности некоторые естествоведы берут под сомнение. Если верить другим, безгривый лев водится в Сирии. Два капских льва различаются главным образом по цвету гривы: у одного она черная или темно-бурая, у другого - желто-рыжая, в одну масть со шкурой.

Из всех львов оба южноафриканских, пожалуй, самые крупные, а черная разновидность свирепей и опасней желтой.

Лев распространен по всему Африканскому материка и в южных странах Азии. В глубокой древности он водился местами и в Европе, но теперь его там уже не встретишь. В Америке львов нет. Животное, которое в Латинской Америке известно под именем льва, не лев, а кугуар, или пума; оно втрое меньше его и схоже с царем зверей только той же бурой окраской. Пума несколько напоминает, пожалуй, полугодовалого львенка. Африку по преимуществу можно назвать страной льва. Он встречается по всему материка, за исключением, понятно, нескольких густонаселенных местностей, откуда его изгнал человек.

Льва издавна прозвали царем лесов, и прозвали неправильно. Он, по существу, не лесной зверь. Он не умеет лазить по деревьям, так что в лесу ему труднее добыть себе пищу, чем на открытой равнине. Пантера, или леопард, или ягуар - те отлично лазают по деревьям. Они могут выхватить птицу из гнезда и настигнуть обезьяну на ветке. В лесу они у себя дома. Это лесные звери. Другое дело - лев. Широкая равнина, где бродят крупные жвачные животные, да заросли низкого кустарника, где можно притаиться, - вот где любит селиться лев. Питается он мясом самых разных животных, хотя иным отдает особое предпочтение - смотря по местности. Животных себе на еду он убивает сам. Рассказы, будто его «поставщиками» являются шакалы, которые якобы убивают зверей для льва, - чистейшее измышление. Напротив, часто сам лев снабжает пищей ленивцев-шакалов. Вот почему их так часто можно видеть в его обществе - они держатся поближе к льву в расчете на «крохи с барского стола».

Лев сам для себя «бьет скот», хотя и предпочитает, чтобы это сделали за него другие. Он охотно отбирает добычу у волка, шакала, гиены, а когда может, и у человека. Лев - неважный бегун, как и другие истинные представители семейства кошек. Жвачные животные почти все обгоняют его в беге. Как же тогда он может их настичь? Благодаря уловке, благодаря внезапности нападения и еще благодаря огромной длине и скорости своего прыжка. Лев залегает и ждет жертву или же подкрадывается к ней. Он набрасывается из-за прикрытия. Особенности строения тела позволяют льву покрывать прыжком очень большое, почти невероятное расстояние. Некоторые авторы говорят о прыжках на шестнадцать шагов, утверждая, будто видели воочию такой прыжок и сами тщательно измерили его длину.

Когда не удастся настигнуть жертву первым же прыжком, лев ее не преследует, а поворачивает и бежит рысцой в обратную сторону. Впрочем, иногда намеченная жертва соблазняет льва и на второй прыжок, а то и на третий; но, если и тот не принесет удачи, лев уже непременно оставит преследование.

Лев не стадное животное, хотя нередко можно встретить группу в десять, а то и в двенадцать голов: львы временами охотятся сообща и гонят дичь друг на друга. Львы набрасываются на зверей всех видов, какие водятся поблизости, и пожирают их: даже сильного и тяжелого носорога они не страшатся, хоть тот частенько отбрасывает их и

побеждает. Нередко молодые слоны становятся их добычей. Свирепый ли буйвол, жираф ли, сернобык, огромная канна и эксцентричный гну - над всеми лев одерживает верх благодаря своей превосходной силе и мощному вооружению. Однако не всегда лев выходит победителем из борьбы. Иногда тот или другой зверь побеждает его, и лев сам становится его жертвой. А случается и так, что оба противника остаются мертвыми на поле битвы.

Профессионал-зверобой не охотится на льва. Невелика корысть: за львиную шкуру много не возьмешь, а других сколько-нибудь ценных трофеев убитый зверь не сулит. Поскольку охота на него сопряжена с большой опасностью и поскольку охотник, как уже известно читателю, может, когда захочет, избежать столкновения, то львов совсем почти не убивали бы, если бы сами они не чинили обид человеку - не уносили бы у фее-бура его лошадей и скот. Тут на сцену выступает новая страсть - жажда мести. Охваченный ею, фермер нашел особый смысл в охоте на льва и стал с большим усердием и рвением преследовать его.

Но где нет скотоводческих ферм, там нет и этой побудительной причины. И там охота на льва никого особенно не прельщает. Примечательно, что бушмены и другие бедные кочевые племена совсем не убивают льва или же убивают крайне редко. Они в нем не видят врага. Лев для них поставщик!

Гендрику доводилось об этом слышать, и он спросил у Черныша, правда ли это. Бушмен без обиняков подтвердил. Бушмены, сказал он, обычно высматривают льва или идут по его следам, пока не набредут на него самого или на тушу убитой им жертвы. Иногда им указывают к ней дорогу стервятники. Если лев окажется на месте или если он еще не окончил обеда, люди ждут, чтобы он удалился, а потом подбираются к остаткам его добычи и присваивают их. Часто им таким образом перепадает половина, а то и три четверти туши какого-нибудь крупного животного, которого им не так-то просто убить самим. Зная, что львы редко нападают на человека, бушмены не очень боятся этих хищников. Наоборот, они скорее радуются, когда видят, что в округе много львов. Ведь это означает для них соседство с охотником, который будет поставлять им еду!

Перевод с английского Н.Вольпин